

Структура рассказов о снах

Сны — одна из наиболее распространенных тем повседневных разговоров. Обычный день нередко начинается с пересказа и обсуждения пришедшего за ночь. В «Рассказах бабушки», воспоминаниях коренной москвички Е.П. Языковой, жившей в конце XVIII — начале XIX в., есть следующий эпизод:

«В то время как сестры гостили у меня, однажды утром сестра Анна Петровна и говорит мне:

— Сегодня я видела во сне, что кто-то говорит мне: “Вот и 1812-й год, а ты еще не в монастыре”.

— Это потому, что ты думаешь об монастыре, оттого тебе про это и снится, — говорю я ей.

— Нет, сестра, это опять мне напоминание.

Надобно сказать, что она еще в 1811 году видела во сне страшный суд, и тогда это ее очень поразило, и она положила идти в монастырь. Во время неприятеля она опять под-

твердила свое обещание, что, ежели Господь всех нас помилует от погибели, непременно вступит в монашество; и тут вскоре она этот сон-то и увидела»¹.

Судя по этому эпизоду, увиденный ночью сон вызывает по ассоциативной цепочке всплеск беседы: обсуждение и толкование этого сна, припоминание похожих снов и связанных с ними случаев из жизни. Впрочем, при кажущемся разнообразии, рассказы о снах довольно отчетливо делятся на две группы: **рассказы о сновидениях** и **рассказы о сбывшихся снах**. Рассказы о сновидениях чаще всего рассказываются непосредственно после имевшего место сновидения и являют собой пересказы приснившегося с возможной интерпретацией. Рассказы о сбывшихся снах не привязаны по времени рассказывания к времени сновидения. В их структуру входит как составная часть рассказ о сновидении, но к нему присоединяется еще и рассказ о событиях реальной жизни, предвестниками которых были образы сновидения.

Рассказы о сбывшихся снах связывают сновидение и события реальной жизни посредством причинно-следственной связи. Например:

«В Лавре во время войны находились отлитые из бронзы быки, стоявшие раньше у Мясокомбината, это была работа знаменитого скульптора Демут-Малиновского. Когда фронт приблизился к городу, их буквально из-под огня с помощью трактора перевезли в Лавру. Как рассказывал Николай Викторович [Успенский, организатор и первый директор музея-некрополя в Александро-Невской лавре], хотели закопать всю ценную скульптуру, но не успели, некому уже было делать это. И всю войну они так и простояли в некрополе у ворот (1). И Николай Викторович вспомнил рассказанный когда-то Демут-Малиновским сон. Скульптору приснилось, что к нему пришли изваянные им быки (2). И он у всех спрашивал, что бы мог значить такой сон, как можно его истолковать. Никто ему в то время его странный сон объяснить не смог. И Николай Викторович нам говорил: “Зато теперь я мог бы объяснить этот сон. Быки стоят у некропольских ворот, а в нескольких метрах от них могила Демут-Малиновского”. Быки скульптора таким образом пришли к нему через сто лет»².

Итак, рассказ включает два события:

событие 1 — вынужденное перемещение скульптуры в блокадном Ленинграде;

событие 2 — сновидение скульптора.

Текст смог состояться только в устах человека, который был в состоянии «истолковать» сновидение, связать его с событием реальной жизни: сон приснился к тому, что изваянные Демут-Малиновским скульптуры быков через сто лет «пришли» к своему создателю и «встали» рядом с его могилой (схематически эту последовательность можно изобразить так: 2 → 1).

Рассказы о сбывшихся снах, как и другие мифологические рассказы, вызываются к жизни событиями — поводами для рассказывания, которые в структуре самого рассказа суть следствия. События-следствия нуждаются в объяснении, поскольку факт случившегося нарушает равновесие мироздания, требует ответа на вопрос: «Почему так произошло?» Вариантов событий, нуждающихся в интерпретации, не так много. Так, например, в результате рассмотрения 65 текстов современных устных городских рассказов, схожих по структуре (причинно-следственной), было выявлено 7 следующих групп событий, являющихся «сюжетными ядрами»:

1. Болезнь (увечья, изменения характера, внешности к худшему, физические недостатки) / Исцеление.

2. Смерть / Выживание.

3. Катастрофы, войны / Победа.

4. Разрушение (стихийные бедствия) / Строительство.

5. Недостача / Находка.

6. Беременность.

7. Имянаречение.

События, входящие в эти группы, характеризуются неконтролируемостью человеческой волей (болезни, аварии, катастрофы), наличием ситуации повышенной неопределенности (отсутствие денег, беременность). Неопределенность, отсутствие имени или значения также выделяют объект из ряда ординарных.

Тексты с причинно-следственной связью событий формируются в результате нескольких этапов рефлексии. На уровне «предмета повествования» (фабулы, по Б. Томашевскому) некое событие, нарушение нормы, требует объяснения. «Речь идет о невероятных случаях, чудесах, неожиданных знакомствах с мистическими сторонами бытия, встречах с потусторонними силами и персонажами (чаще недоброжелательными и даже опасными)»³. На уровне сюжета события связываются по причинно-следственной матрице. По логике повествования болезнь, потери, неудачи и, в редких случаях, удачи суть результаты (следствия) встречи со

сверхъестественными силами. Иначе говоря, в перспективе текста (назовем ее **прямой**) сюжет развивается от встречи со сверхъестественным (в рассказах о сбывшихся снах эту функцию выполняют сновидения) к событию-следствию. В перспективе жизни (толкования жизни, назовем ее **обратной**) вектор повернут в обратном направлении — от событий-следствий к контакту со сверхъестественной силой, которому приписывается значение причины событий реальной жизни. События-следствия нуждаются в возведении к причине: сновидению, приметам, предсказаниям и пр. Поскольку события-причины обладают статусом символических (и часто сакральных), то они берут на себя «ответственность» за происшедшее, перетягивают на себя полюс значимости. Их роль в тексте заметнее. Подтверждением тому является составление указателей быличек по действиям неведомой, нечистой или Божественной силы.

Символическая ценность событий-причин обеспечивается за счет верования. Как и в системе обратной перспективы иконописи, размеры предмета изображения не уменьшаются с удалением, если его символическая ценность велика⁴. Структурно разбираемые тексты идентичны сновидениям, проанализированным П.А. Флоренским в «Иконостасе»: «Нет сомнения, сновидения разбираемого типа суть целостные, замкнутые в себе единства, в которых конец — развязка предусматривается с самого начала и, более того, собою определяет и начало, как завязку, и все целое. Принимая во внимание малозначительность завязки самой по себе, без завершающих ее последствий, как это вообще бывает в крепко сделанной драме, мы имеем полное право утверждать телеологичность всей композиции сновидения: все его события развиваются в виду развязки. Для того, чтобы развязка не висела в воздухе, не была несчастной случайностью, но имела глубокую прагматическую мотивировку»⁵. Как и в описываемых П.А. Флоренским принципах обратной перспективы, в интересующих нас фольклорных достоверных текстах сюжет разворачивается от финала к завязке, от следствия к причине, от простого прошедшего к предпрошедшему времени.

«Чтобы сон не сбывся, его надо рассказать и как можно большему количеству людей. Мне перед Димкиной (сына. — И.В.) болезнью (2) однажды всю ночь снилось сырое мясо (1), а это ведь к болезни. И я ведь всем, всем тогда этот сон рассказала (3). Ну и вот (4)» (Архив автора, № 6).

(2 ← 1) — (4 ← 3).

Событие 1 — сновидение.

Событие 2 — болезнь сына.

Событие 3 — предпринятые действия по «нейтрализации» вредоносного сна.

Событие 4 — выздоровление сына, о чем в тексте прямо не сказано, но собеседникам это известно.

События 1 и 2 образуют первую каузальную цепочку «вредоносное сновидение — болезнь». События 3 и 4 связаны во вторую каузальную цепочку «действия по “обезвреживанию” сна — выздоровление сына». Вероятно, рассказчица не произнесла фразу «сын выздоровел» не просто из экономии речевых средств, а из-за действующего в культуре табу на произнесение положительных фактов, чтобы «не сглазить». Обычно об удачах и успехах не говорят до того момента, пока результат не станет «необратимым». Однако во многих случаях «необратимость» недостижима, и потому табу действует всегда. Если оно нарушено, то предпринимают соответствующие символические действия: плюнуть три раза через левое плечо, постучать три раза по деревяшке, сказать «Слава Богу!», добавить обороты сомнения «вроде бы», «кажется».

Рассказы о сновидениях по сравнению с рассказами о сбывшихся снах являются как бы структурно «усеченными». В них пересказывается приснившееся, может быть прибавлена интерпретация, но события-следствия не предъявлены. В рассказах о приснившихся, но еще не сбывшихся снах события-следствия лишь предполагаются в будущем на основании событий-причин и известных способов толкований.

«Мне снился трамвай, красивый такой, весь освещенный, с занавесочками. Он подходил к остановке, и я как раз туда шла (1). И я знаю, что мне обязательно нужно сесть на него. Я знаю, что если я на него сяду, все у меня будет хорошо. И вот я бегу уже, но тут появляется другой трамвай, в другую сторону, и мне никак не перейти улицу. И я боюсь, что я не успею, что тот мой трамвай, красивый, уйдет. Этот трамвай — моя судьба. Так и есть, проехал другой трамвай, а на тот мой я так и не успела (1)... Мне вообще часто снится этот сон, про поезд. И я знаю, что когда я не успеваю сесть в вагон, что-то в жизни у меня не получится»⁶.

Событие 1 — устойчивый образ сновидений рассказчицы — «красивый трамвай».

Основой интерпретации этого рассказа служит личная примета рассказчицы, поддержанная общими культурными образами-императивами — трамвая «Желания», метафорой уходящего поезда как несбывшихся надежд, «Заблудившегося трамвая» Н.С. Гумилева и т. д.

Другой пример рассказа о сновидении:

«Федя! Мне снилось, что мы дома и пошли в лес. Отец пел, твоя мать крикнула нас, мы хотели ответить ей, но у нас пропали голоса. И так мы пришли в чужую деревню, и там у нас случилась драка с тамошними парнями. Как только я увидел этот сон, сразу же начал писать тебе эту открытку» (лагерное письмо «остарбайтера» из Норвегии в Германию)⁷.

Как и рассказы о сбывшихся снах, рассказы о сновидениях основаны на причинно-следственной связи событий. Поскольку рассказывают о сновидениях чаще всего непосредственно после пробуждения, их основной функцией является прогнозирование событий реальной жизни. Таким образом, событие-причина (сновидение) присутствует в структуре таких рассказов; а событие-следствие подразумевается или случается. Предпосылкой для прогнозирования становится образ сновидения и имеющиеся в культуре сподобы их «дешифровки».

Таким образом, рассказы о сновидениях и рассказы о сбывшихся снах с большей или меньшей полнотой воспроизводят причинно-следственную структуру повествования. Однако для причинно-следственных отношений важно не столько наличие сопологаемых событий, сколько сама их связь. Причинно-следственное конструирование мира происходит на основе пресуппозиций. События отбираются и соединяются в сюжет посредством эксплицированной в тексте или подразумеваемой связки. В фольклорном тексте область пресуппозиций обеспечивает традиционную, общую для данного сообщества семантику.

Тексты причинно-следственной структуры обнажают точку веры, обнаруживают идеологическую основу в принципах связывания одного события с другим. Установка на истинность интерпретации есть важнейший элемент текстов причинно-следственной структуры. С.Б. Адоньева заметила, что специфика причинно-следственных отношений в волшебной сказке «определена диалогичностью — закономерностью, свойственной традиционной “картине мира”», при том что «традиционный универсум состоит из двух частей — мира данного, явного и мира подразумеваемого, скрытого,

проявляющегося и при этом исключительно значимого, поскольку активность присуща именно ему»⁸. Мифологические рассказы по определению являются повествованиями о контактах между двумя частями мира⁹.

Основой для построения казуальных цепочек — как рассказов о сновидениях, так и рассказов о сбывшихся снах — служит представление о возможности предвидеть, знать будущее. Это представление вытекает из понятия судьбы и доли, т. е. предопределенности событий человеческой жизни. Сны, способные проецировать будущее, называются вещими.

«А мне приснился сон. УЗИ нам пообещало девочку, но приснился сон. Я лежу в большой светлой комнате, и у меня из-за спины идет свет, такой мягкий утренний свет. Вообще такой свет бывает у меня только в вещих снах. И вот я лежу, а вокруг какие-то люди, и вдруг все как закричат: “Федор родился! Федор родился!” (1). Этого имени у нас не было на примете. Но раз Федор, так Федор. Я запомнила сон. И когда я рожала, это было очень солнечное яркое утро в большой комнате старого роддома. Вокруг меня было много теток, потому что роды были платные, и, когда он родился, мне показывают, что мальчик, я говорю: “Федор родился”. Они так удивились, что я уже знаю, как его зовут, и заговорили: “Федор родился” (2). И что самое интересное, когда мы выписывались из роддома, был день святого Федора Стратилата, так что все точно по святым» (Архив автора, № 8).

В этом тексте образ сновидения (1) калькирует «картинку» реального личного события (2). Пресуппозициональная связка текста основана на представлении о том, что сновидение есть зеркальное отражение будущего. Кстати, «зеркальность» сновидения находит подтверждение в правиле толкования их «от обратного». Основой толкования сновидений служат также и общепринятые значения образов, которые публикуются в сонниках¹⁰.

«В ночь на двадцать третье марта я видела во сне Юлечку и тебя и услышала громкий выстрел (1); значит, получу какое-то известие, но где оно? С нетерпением жду его. (В России широко распространено поверье, что выстрел во сне означает, что будет какой-то слух или известие). Симферополь, Крым»¹¹.

Жанровый регистр нарратива определяет мировоззренческая позиция, которой придерживается рассказчик. «Отметка, появившаяся на двери дома, может быть интерпретирована как страшный знак inferнальных сил (мистический триллер), как отметка грабителей (детектив), как тайный

знак куртуазного внимания (мелодрама) и пр. Жизненная интрига определится в зависимости от того, какой из регистров будет избран владельцем дома для интерпретации установленного факта»¹². Структурное сходство и общая пресуппозициональная связка, формирующая общность семантики, позволяет считать рассказы о снах (сновидениях и сбывшихся снах) если не отдельным жанром, то особым типом нарративов среди других мифологических рассказов.

Анализ текста

Из беседы с Натальей Рыковой-Перли (дочерью Н. Рыкова) в передаче «Большие родители» (НТВ) 13.02.2000 г.

«У нас там, в томском подвале, был очень странный человек — бывший следователь, который сидел в том же подвале. Он подошел к камере и сказал: “Позовите Наташу”. Он говорит: “Сегодня приговор привели в исполнение. Расстреляли ваших” (1). А я сказала: “Я знаю” (2). — “Откуда вы знали?”

А у меня был сон (3). Никакого сомнения у меня не было (0). Мы с папой гуляли. Он был в сером костюме, в котором он обычно ходил. Мы лазали по американским горкам. А горки высокие. Вверх — вниз, вверх — вниз, вверх — вниз, вверх — вниз. И вот вдруг он от меня пошел, как-то так весь сломанный, на шарнирах, как паяц. И я ему крикнула вдогонку очень обидные слова. Я не хочу их повторять и даже вспоминать».

Структура

Событие (1): «Сегодня приговор привели в исполнение. Расстреляли ваших».

Событие (2): «А я знаю. У меня был сон».

Структура текста причинно-следственная. Получение известия о расстреле родителей (1) есть повод для наррации и событие-следствие. Событие-причина (2) — знание об этом, полученное в сновидении. Подтверждение веры в сновидение заключено в связке (0): «Никакого сомнения у меня не было». Подразумевается: никакого сомнения в расстреле. Описание сна: «Мы с папой гуляли. Он был в сером костюме, в котором он обычно ходил. Мы лазали по американским горкам. А горки высокие. Вверх — вниз, вверх — вниз, вверх — вниз, вверх — вниз. И вот вдруг он от меня пошел, как-то так... И я ему крикнула вдогонку очень обидные слова».

Причинно-следственная структура поддерживается верой в сверхъестественную связь родственников, особенно в кри-

тические моменты, и сновидение — один из каналов этой связи: «Судя по многочисленным семейным мифологическим рассказам, к основным каналам коммуникации с родственниками относится сон»¹³. Еще один семантический уровень — толкование сновидения. Сновидение состоит из нескольких эпизодов-образов. Образ американских горок представляет собой модифицированное колесо фортуны: Н. Рыков, один из создателей революционного государства, член высшей советской элиты, несколько раз переживал страх перед возможными репрессиями. Взлеты и падения карьеры прочитываются в движении вверх — вниз в аттракционе. Далее во сне обычное поведение отца вдруг меняется: «весь сломанный, на шарнирах, как паяц». Этот образ соответствует сломленности Николая Рыкова, как и многих людей того времени, преследованиями и арестами. Ср., например, рассказ в «Сталиниаде» Ю. Борева: «Наталья Рыкова, дочь известного партийного деятеля, просидела 17 лет. Она рассказывала, что ее отец в последние годы жизни приходил домой мрачный. <...> Вскоре Сталин опять поставил на Политбюро вопрос о правотроцкистском уклоне Рыкова, и за него уже никто не заступался. Вернулся домой он почти невменяемым. Молча ходил по комнате, хватался за голову, произносил что-то невнятное»¹⁴. Образ уходящего во сне человека традиционно трактуется как смерть.

Название передачи «Большие родители» определяет ее тематику: дети рассказывают о своих знаменитых родителях. Таким образом, речь идет как о родственных связях и чувствах, так и об общенациональной значимости родителей, проекции их судьбы на судьбу всей страны. Нетвердое, шаткое положение человека власти и сломленность психики, трагедия потери веры — это не личная судьба Николая Рыкова, а судьбы многих сотен советских людей.

Наталья Рыкова касается в этом рассказе очень тяжелых воспоминаний. Кризисность личной ситуации вызывает необходимость психически справиться с ней. Вербализация переживания — один из способов психотерапевтического преодоления кризиса. Связка «Никакого сомнения у меня не было» обнажает искреннюю убежденность рассказчицы в интерпретации событий. Особую исповедальную ноту добавляет последний эпизод сновидения «И я ему крикнула вдогонку очень обидные слова», которые сопровождаются фразой «Я не хочу их повторять и даже вспоминать». Можно было пропустить за туманностью и глубокой «личностно-

стью» данный эпизод, если бы в разговоре до этого не было одного признания Натальи Рыковой. Когда ее посадили в камеру, она на секунду подумала: «Ну ладно, мои-то родители виноваты, но я-то при чем?». В ту же секунду она одумалась, что и ее родители так же невиновны, как и она, но секундное предательство было. В нем она покаялась рассказчику и слушателям. Искренность покаяния не вызывает сомнения. Тот же покаянный смысл (непреходящий стыд перед отцом за предательство) сквозит и в последней фразе текста. Таким образом, рассказчица надеется на то, что слушатели разделят ее опыт и простят предательство.

Примечания

- 1 Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 135.
- 2 Синдаловский Н.А. Петербургский фольклор. СПб., 1994. С. 109.
- 3 Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология: от народных верований к литературе. М., 1998. С. 6.
- 4 Флоренский П.А. Иконостас // Флоренский П.А. Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб., 1993. С. 1–174.
- 5 Там же. С. 11.
- 6 Утехин И.В. От сплетни до исторического предания: повседневность и фольклор жителей больших коммунальных квартир // Современный городской фольклор: Материалы и исследования (в печ.).
- 7 Преодоление рабства: фольклор и язык остарбайтеров / Сост. Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. М., 1998. С. 160.
- 8 Адоньева С.Б. Этнография севернорусских причитаний // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Приложение № 7: Обрядовая поэзия Русского Севера: плачи. СПб.; Бохум, 1998. С. 52.
- 9 Это – «устный рассказ-меморат о якобы имевших место сверхъестественных явлениях: встрече, драматичном столкновении самого рассказчика или знакомого ему человека» с мифологическими персонажами (см.: Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / Ред. К.П. Кабашников и др. М., 1993. С. 26); «Структура жанра раскрывает особенности взаимоотношения двух миров: человеческого и потустороннего, “своего” и “чужого”, “жизни” и “смерти”» (Ефимова Е.С. Русский устный мифологический рассказ: Опыт структурного анализа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. С. 3–4).
- 10 Niebrzegowska S. Polski sennik ludowy. Lublin, 1996. 292 s.
- 11 Преодоление рабства: фольклор и язык остарбайтеров. С. 160.
- 12 Адоньева С.Б. Сказочный текст и традиционная культура. СПб., 2000. С. 4.
- 13 Разумова И.А. Семейные рассказы // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф. Белюсов. М., 1998. С. 172.
- 14 Борев Ю. Сталиниада: Мемуары по чужим воспоминаниям с историческими анекдотами и размышлениями автора. Иркутск, 1992. С. 128.